

ное на деревенских жителей, руководствовавшихся только своим инстинктом, теперь облагорожено трудами ученых, открывших секрет превращения самых благодарных и заброшенных земель в плодородные. Труд земледельца воодушевляется наградами: основаны академии, присуждаются премии тем, кто укажет способы добиться изобилия. Покоренные народы не обрекаются более на рабство; побежденный остается владельцем своего наследия; меняется его господин, но не его судьба; и когда громы гремят вокруг его владений, он остается у своего очага, в покое и безопасности... Различие религиозных воззрений не порождает более тех ужасов, что превращали учеников милосердного бога в лютых волков. Более просвещенное религиозное рвение лишено горечи и жестокости; потомки мучеников не вооружаются более мечами палачей, и только немногие искры поднимаются от костров инквизиции; теперь уже не смешивают ошибки с преступлениями; первые пастыри применяют теперь только убеждение для того, чтобы вернуть заблудших овец, ибо в наши дни, наконец, убедились в том, что болезни духа лечатся не железом. Терпимость сблизила людей, разделенных своими воззрениями».

Нечто вроде гимна императрице Екатерине, одновременно победительнице, законодательнице и освободительнице, сопровождает хвалу военному искусству: «Победу, восседающую на том же троне, что и Северная Минерва, вы можете узреть в Петербурге; среди тревог войны Екатерина основывает учреждения, которые увековечат ее благотворительность и память о ее счастливом и благодетельном царствовании. В то время как ее флоты развернули свои знамена в Средиземном море, чтобы вызволить греков из унижения; в то время, как ее непобедимые легионы решают судьбы Крыма, государыня эта, окруженная людьми, которых она осчастливила, создает изобилие в своих провинциях. Ее громы карают только неправедных агрессоров, которые сами их на себя навлекли; в России царит спокойствие, гроза бушует лишь над врагами, изменившими своему слову».

Сегодня нельзя без улыбки говорить об этой воображаемой гармонии политики Екатерины, такой, какой ее представлял себе соотечественник и современник Дидро, — смешанной с безудержным восхвалением «просвещенного абсолютизма». Но и в этом случае гражданин Сен-Мало из Бретани разделял иллюзию, распространенную среди энциклопедистов, а поддержанию этой иллюзии, без сомнения, способствовал тонкий придворный ум князя Куракина, убежденного, что он таким образом служит политике, которую тогда проводила императрица Екатерина и которую она скоро отбросит, как только окажется лицом к лицу с революцией.

Три других письма Тюрпена, как указано выше, напечатаны в «Архиве А. Б. Куракина» и вполне доступны читателю, который заинтересовался бы подробностями литературных отношений Тюрпена и молодого вельможи.